

Поведение онлайн и офлайн: к вопросу о возможности прогноза

И.Б. Бовина

Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ),
г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9497-6199>, e-mail: innabovina@yandex.ru

Н.В. Дворянчиков

Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ),
г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1462-5469>, e-mail: dvorian@gmail.com

Цель настоящей работы заключалась в анализе соотношения поведения в Сети с поведением в реальности на примере эффекта растормаживания онлайн. Суть эффекта сводится к тому, что человек ведет себя в онлайн-коммуникации иначе, нежели в реальном общении: говорит и делает то, чего бы он не позволил себе, если бы та же самая ситуация происходила офлайн. Не будучи патологическим явлением, растормаживание реализуется в двух формах, не связанных друг с другом: 1) доброкачественное (позитивное) растормаживание — характеризуется тем, что человек делится очень личной информацией, раскрывает свои тайны и страхи, не скрывает ни своего эмоционального состояния, ни своих переживаний, он старается помочь другому, проявляя при этом крайнюю щедрость и заботу; 2) токсичное (негативное) растормаживание — характеризуется тем, что человек проявляет грубость в отношении другого, резко критикует его или даже угрожает ему; посещает сайты, содержание которых связано с насилием и агрессией. Обращение к таким конструктам, как деиндивидуализация, сниженные социальные сигналы и самосознание, проливает свет на эффект растормаживания онлайн, позволяет говорить о том, как поведение в Сети соотносится с поведением в реальности. Делается вывод о том, что попытки отождествлять поведение в Сети с поведением в реальности было бы ошибочным, ибо киберпространство способствует тому, что происходит растормаживание, снижение тех барьеров, которые регулируют поведение субъекта в реальной жизни.

Ключевые слова: поведение онлайн и офлайн, эффект растормаживания онлайн, деиндивидуализация, ситуативные нормы, социальные представления.

Финансирование. Работа выполнена в рамках проекта «Разработка модели профайлинга онлайн-поведения несовершеннолетних в социальных сетях» при поддержке МГППУ.

Для цитаты: Бовина И.Б., Дворянчиков Н.В. Поведение онлайн и офлайн: к вопросу о возможности прогноза // Культурно-историческая психология. 2020. Том 16. № 4. С. 98–108. DOI: <https://doi.org/10.17759/chp.2020160410>

Online and Offline Behavior: Does One Predict Another?

Inna B. Bovina

Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9497-6199>, e-mail: innabovina@yandex.ru

Nikolay V. Dvoryanchikov

Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1462-5469>, e-mail: dvorian@gmail.com

The aim of the paper is to analyze the relationship between online and offline behavior by using the online disinhibition effect as an example. A person behaves differently online in comparison with the same

situations offline. The two forms of disinhibition are discussed: 1) benign or positive disinhibition, when a person shares very personal information, reveals his secrets, fears, does not hide his emotional state, his experiences, he tries to help the other, showing extreme generosity and care 2) toxic or negative disinhibition — when a person shows rudeness towards the other, expresses sharp criticism or even threats, visits the sites, the content of which is very difficult to understand. Appealing to constructs such as deindividuation, reduced social cues, self-awareness — sheds light on the online disinhibition effect and allows us to talk about how behavior on the network relates towards offline behavior.

Keywords: online and offline behavior, online disinhibition effect, deindividuation, norms, social representations.

Funding. This article is a part of the research project “Development of a model for profiling online behavior of minors in social networks” financed by MSUPE.

For citation: Bovina I.B., Dvoryanchikov N.V. Online and offline behavior: does one predict another? *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya = Cultural-Historical Psychology*, 2020. Vol. 16, no. 4, pp. 98–108. DOI: <https://doi.org/10.17759/chp.2020160410>

Введение

Создание компьютеров и электронных носителей информации, как отмечает Д.С. Робертсон, соответствует пятой информационной революции [8]. Достижения четырех предшествующих революций были следующими: 1) *изобретение языка* — дало возможность транслировать знание в пространстве и времени; 2) *создание письменности* — позволило не только увеличить объем памяти и знаний, но усложнить саму деятельность человека; 3) *книгопечатание* — явило собой способ дальнейшего увеличения объема знаний с последующим изменением деятельности человека; 4) *создание электронных средств передачи информации* — способствовало трансляции информации в значительных масштабах [8]. Ж.Ле Гофф так или иначе артикулирует историю памяти, те изменения, которые с ней происходят, с этими революционными изменениями. Очевидно, что в каждом случае происходила адаптация человека к изменениям; фокус нашего внимания будет направлен на последнюю революцию и на ее психологические последствия, ибо они обширнее, чем только те, о которых говорит Ж.Ле Гофф [29].

Цель настоящей работы заключается в анализе соотношения поведения в Сети с поведением в реальности на примере эффекта растормаживания онлайн, однако прежде чем говорить об этом феномене, проанализируем с психологической точки зрения последствия стремительного вторжения технологий в жизнь современного общества.

Возникновение и широкое распространение технологий, среди которых важное место занимает Интернет, являет собой характерную особенность современного мира. Статистика свидетельствует о том, что 45% населения земного шара (что составляет 3,5 млрд человек) являются пользователями социальных сетей, в Российской Федерации — 57,75 млн человек используют социальные сети (что составляет 40% от населения страны)[4]. По данным этих опросов, в среднем пользователи Интернета проводят в Сети 6 часов 29 минут ежедневно, социальным сетям

посвящается ежедневно в среднем 2 часа 16 минут [17]. Заметим, что имеются основания сомневаться в точности этих показателей; однако исходя даже из этих средних значений, уже можно серьезно задуматься о том, какую именно повседневную активность заменяет пребывание в Интернете.

Интернет предоставил человеку новые степени свободы, которых у него не было ранее, эта технология заняла лидирующее место среди институтов социализации. Теперь у человека возникает ощущение, что он является важным участником многочисленных глобальных процессов: преодолевая пространство и время, благодаря техническим возможностям, он наблюдает за самыми разнообразными событиями, происходящими за тысячи километров от его местонахождения, комментирует события, высказывает свою позицию по любому поводу, выражает поддержку тем или иным участникам взаимодействия, зачастую незнакомым, или, наоборот, высказывает им свое осуждение и возмущение и пр. По словам А. Кенде с коллегами: «Социальные медиа (и сопутствующие им технологии) представляют собой, вероятно, самый большой переворот в том, как люди взаимодействуют и взаимодействуют друг с другом со времен Уильяма Джеймса» [22, р. 277].

Общая тенденция выглядит следующим образом: количество пользователей Интернета и социальных сетей возрастает по экспоненте, наиболее активной группой населения оказываются представители подростково-молодежной среды. Возраст дебюта использования Интернета снижается, равным счетом как и возраст, в котором пользователи самостоятельно используют Интернет, а также определяют потребляемый контент [25; 37], который не всегда является безопасным. На основе сравнения результатов двух масштабных исследований, проведенных в европейских странах (в том числе и в России) с промежутком в десятилетие [25; 37], представляется возможным говорить о том, что за это десятилетие значительно выросло число пользователей смартфонов. Время, которое они проводят в сети Интернет, увеличилось, а в ряде стран удвоилось [37]. Другими

словами, социальная среда и социальная ситуация развития ребенка — в информационном обществе — претерпевают самые серьезные изменения. И хотя, как утверждает Г. Рюкрим, Л.С. Выготский проживал в конце «эры Гутенберга», что объясняет отсутствие в его трудах внимания к цифровым технологиям — «как новому ведущему орудию опосредования новой эры» [35, р. 38], тем не менее, имеются основания говорить о том, что идеи культурно-исторической теории позволяют нам понять то, что происходит с человеком в эпоху информационного общества.

Нет сомнений в том, что новые технологии превратились в своего рода культурное средство социализации; в литературе предлагается говорить о *цифровой социализации*, о *цифровом поколении* [3]. Не подлежит сомнению тот факт, что реальность современных детей и подростков, несравнима с той, в которой социализировались их родители [3]. Действительно, в ситуации доминирования визуальной риторики, ибо мы живем в эпоху визуальной культуры [34], на смену власти текстов (которая была легитимной для поколения родителей) пришла власть изображений (на уровне подростково-молодежной среды) [21]. Обратимся к одному примечательному результату, полученному Б.Г. Мещеряковым с коллегами в исследовании, целью которого было воспроизведение классического исследования А.Н. Леонтьева, где успешность двух видов запоминания в различных возрастных группах, в соответствии с культурно-исторической теорией Л.С. Выготского, аппроксимируется в виде параллелограмма, на современной выборке (т. е. почти 4 поколения спустя) [7]. Сравнительный анализ результатов демонстрирует, что картинно-опосредствованное запоминание у современных младших дошкольников превышает показатели аналогичной группы испытуемых в работе А.Н. Леонтьева [7] (сходные результаты, относительно этой группы, обнаружены и А.И. Корепановой в исследовании, проведенном несколькими годами позже [5]). Б.Г. Мещеряков выдвигает предположение, которое позволим себе процитировать здесь: «... по сравнению с концом 1920-х годов процессы формирования и развития опосредствованной памяти (и, вероятно, других высших психических функций) у современных дошкольников протекают в более ускоренном темпе» [7, с. 15]. Предположение, несомненно, требует своей последующей проверки, но сам факт видится достаточно любопытным в соответствии с идеей визуальной культуры, о чем мы говорили выше.

С точки зрения А.Ш. Тхостова и К.Г. Сурнова, результатом широкого развития технологий оказывается трансформация, которая самым серьезным образом отражается на всем процессе культурно-исторического развития человека: «... постоянное совершенствование технологий социокультурной манипуляции развитием человеческого индивидуума, стремительное увеличение числа гуманитарных инноваций и технических средств удовлетворения и формирования потребностей, культурно-исторический процесс в целом — закономерно порождает

ют, кроме известных достижений, также и новые формы патологии, не существовавшие ранее. Это своего рода обратная, “темная” сторона культуры» [10, с. 16]. В своей лекции «Трансформация ВПФ в эпоху информационного общества» А.Ш. Тхостов [9] говорит о ряде последствий злоупотребления технологиями: неспецифических и специфических. В первом случае базовый дефект является собой дефицит усилия, дефицит произвольной регуляции. Вторичные нарушения связываются с трудностями инициации и планирования деятельности, с нарушением контроля, с инфантилизацией. Во втором случае базовым дефектом является изоляция ВПФ и нарушение их иерархического строения. В этом случае вторичные нарушения связываются с «клиповым мышлением», растворением границ, трудностями принятия обязательств, ответственности, субординации, а также с диффузией идентичности [9]. Стоит задуматься, о том, где проходит водораздел между злоупотреблением и отсутствием оно: являются ли 6,5 часов в день в среднем, которые индивид добровольно отдает Интернету, показателем злоупотребления, а следовательно, можно ли уже говорить о трансформациях, происходящих с человеком, которые обозначает А.Ш. Тхостов [9]?

Резкий рост использования социальных сетей [37] несомненно отразился на специфике межличностного общения, ибо оно в значительной степени перенеслось из реального мира в мир виртуальный, в киберпространство [26], претерпев при этом определенные трансформации [27]: упростился сам коммуникативный процесс; трансформировались нормы, регламентирующие взаимодействие участников коммуникации; изменение претерпело понимание того, где проходит граница между публичной и частной сферами. Общение в Сети доступнее, безопаснее, проще, чем общение в реальности, ибо оно не требует усилий, его можно прервать в любой момент, а идентичность — сконструировать. Новые технологии, таким образом, создают, скорее, иллюзию общения [10].

Рассмотрев в общих чертах психологические последствия возникновения и широкого распространения технологий в современном мире, по сути, их банализации, сфокусировав внимание на примере сети Интернет, сконцентрируем теперь наше внимание на анализе литературы относительно одного феномена, возникающего онлайн, который проливает свет на соотношение действий в сети Интернет и в реальности.

Эффект растормаживания онлайн

В литературе можно найти работы, в которых исследователи стремятся ответить на вопрос о том, как соотносится поведение в реальном мире с оным в сети Интернет. Представляется возможным говорить о целом ряде аспектов рассмотрения этого вопроса через призму различающихся теоретических рамок и конструкций [18; 20; 28; 32; 42]. Например, авторы исследований задаются вопросами о том, как соотносится самопрезентация в Сети с тем, что тот же чело-

век демонстрирует в реальной жизни; как интенции, высказанные в Интернете, будут соотноситься с реальной жизнью и многими другими [22; 28; 42]. Эмпирическую поддержку получила гипотеза, согласно которой человек выражает свое истинное Я онлайн лучше, чем в реальном мире [22]. Результаты экспериментальных исследований позволяют утверждать, что Интернет, в частности социальные сети, это способ мобилизации для участия в коллективных акциях [22]. В то же самое время в других исследованиях говорится о возникновении слактивизма (другими словами — «диванного активизма»), который является менее затратной активностью: действия в Сети — менее затратные по сравнению с реальными действиями. Иначе говоря, можно предполагать, что возникают две полярные тенденции поведения пользователей в сети Интернет, которые при этом отличаются от того, как эти же люди будут действовать в реальности.

Продолжая линию рассмотрения специфики поведения в Интернете, обратимся к анализу одного явления, возникающего во взаимодействии в сети Интернет — эффекта растормаживания онлайн. Обсуждение этого явления позволит нам пролить свет на специфику взаимодействия в сети Интернет и в реальной жизни, особенно в случае антинормативного поведения. В этом и заключается суть настоящей работы.

Апеллируя к работе Ф. Зимбардо, А. Джоинсон предложил обозначать явление растормаживания следующим образом: «... если подавление (ингибция) — это когда поведение ограничивается или сдерживается с помощью самосознания, беспокойства о социальных ситуациях, беспокойства об общественной оценке и т. д., то растормаживание может характеризоваться отсутствием или обращением вспять этих же факторов ... растормаживание в Интернете ... рассматривается как любое поведение, которое характеризуется очевидным снижением беспокойства о самопрезентации и суждении других» [20, р. 63]. Возникновение эффекта растормаживания онлайн связывается с такими процессами, как кибербуллинг, троллинг, флейминг в сети Интернет [14]. Обращает на себя внимание тот факт, что данное явление возникает не только в ситуации повседневного общения в социальных сетях, но даже в контексте профессионального общения онлайн [30]. А. Джоинсон апеллирует к ряду конструктов или схем для объяснения возникновения явления растормаживания, среди которых: деиндивидуализация, сниженные социальные сигналы, самосознание [20].

Деиндивидуализация — явление, впервые описанное Г. Лебоном в работах по психологии толпы еще в 1895 г. [6], механизмы этого явления были экспериментально исследованы Л. Фестингером с коллегами [16] более чем полвека спустя. Трансформация, которая происходит с человеком в толпе, не возникает исключительно в большой стихийной группе, это происходит каждый раз, когда человек оказывается в группе. С точки зрения Л. Фестингера: «Иногда в группах возникает такое положение дел, при котором индивиды действуют так, как будто они «погружены в группу».

Такое положение дел можно охарактеризовать как состояние деиндивидуализации; т. е. индивиды не рассматриваются как индивиды... в условиях, когда член группы не индивидуализирован, для него, вероятно, произойдет уменьшение внутренних ограничений на выполнение различных действий» [16, р. 382].

В литературе имеется целый ряд объяснительных моделей (классических и современных) в рамках теории деиндивидуализации [32; 43]; так или иначе, в рамках этого знания пребывание в группе ведет к снижению самосознания, саморегуляции и самооценки, а это в итоге оборачивается антинормативным и расторможенным поведением. Метаанализ исследований, выполненных с опорой на эту теорию, позволяет Т. Постмесу и Р. Спирсу говорить о том, что основное предположение, согласно которому антинормативное поведение вызывается такими факторами, как анонимность, многочисленность группы, снижение самосознания, не получило достаточной поддержки. Скорее, представляется возможным говорить о том, что антинормативное поведение связывается с нарушением общих социальных норм, происходящим в связи с деиндивидуализацией [32]. При этом исследователи обратили особое внимание на тот факт, что деиндивидуализирующие факторы — анонимность, многочисленность группы, снижение самосознания — усиливают следование ситуативным нормам. И эти результаты соответствуют анализу коллективного поведения, реализованного С. Рейчером [32], на основе результатов которого представляется возможным говорить о том, что толпа, скорее, подчиняется определенным ограничениям и правилам, чем действует иррационально. Иначе говоря, то, что извне воспринимается как антинормативное, бесмысленное, изнутри (т. е. с точки зрения самой толпы) воспринимается как соответствующее нормам, только ситуативным [32].

Этот факт становится понятным через призму классических исследований М. Шерифа [33; 36]: ситуация неопределенности способствует выработке норм: столкнувшись с незнакомой, неструктурированной ситуацией, люди не поддаются хаосу, а выстраивают некоторую систему, которая позволяет им придать смысл контексту, в котором они оказались — таков процесс формирования общих норм, которые необходимы для ориентации в мире [33]. Психологическая основа сформированных социальных норм заключается в том, что создается своего рода система отсчета в результате общения индивидов [36], т. е. вырабатывается общее понимание того, что допустимо и ожидаемо, а что — нет. Именно это и позволяет объяснить то, что происходит в интернет-коммуникации.

Предпринимая попытку объяснить результаты метаанализа, Т. Постмес и Р. Спирс предлагают альтернативное объяснение с точки зрения модели социальной идентичности, приложимой к эффектам деиндивидуализации [32]. Модель восходит к теории социальной идентичности и к теории самокатегоризации. Позволим себе обратиться к ряду основных понятий подхода социальной идентичности, несмотря на то, что теории, составляющие его, зна-

комы читателю на основе ряда классических трудов отечественных ученых [например: 1; 2; 11], ибо это необходимо для понимания модели Т. Постмеса с коллегами [32].

Социальная идентичность, определяемая Г. Тэшфелом как «... знание индивидом своей принадлежности к определенным социальным группам вместе с некоторой эмоциональной и ценностной значимостью для него принадлежности к этой группе» [39, р. 292], является интернализированной групповой принадлежностью, которую индивид использует для ответа на вопрос «кто мы такие?» в том или ином контексте. Социальная идентичность являет собой, словами Дж. Тернера, «... когнитивный механизм, который делает возможным групповое поведение» [40, р. 21]. Другими словами, подход социальной идентичности позволяет говорить и о межгрупповых отношениях (теория социальной идентичности) и о групповом поведении (теория самокатегоризации).

Социальная идентичность отличается от персональной идентичности, соответствующей интернализированному чувству индивидуальности [39]. Таким образом, Я-концепция определяется не только персональными характеристиками, но и принадлежностью к группам, социальная идентичность становится особенно заметной и важной в ситуации межгруппового взаимодействия. С точки зрения теории социальной идентичности, человек принадлежит к различным группам, имеет различные социальные идентичности, к некоторым из них он в большей степени привержен, чем к другим [39]; однако социальный контекст актуализирует релевантную идентичность, исходя из которой индивид и будет действовать. Новые коммуникативные технологии открывают перед индивидом широкие возможности управлять своей идентичностью, представлять ее так, как он желает.

В ситуации деиндивидуализации человек не утрачивает персональной идентичности, скорее социальная идентичность оказывается «выпуклой», более важной, чем персональная идентичность. Происходит своего рода сдвиг от межличностного полюса к межгрупповому. В ситуации анонимности, где отсутствует возможность воспринимать специфику каждого индивида, доминирует стратегия поведения на основе социальных категорий [18]. Отсюда и оказывается, что человек в состоянии деиндивидуализации уделяет преимущественное внимание именно групповым, ситуативным, нормам, а не общим, социальным, нормам [32]. С одной стороны, с точки зрения этой модели, будучи деиндивидуализированным, человек в меньшей степени уделяет внимание индивидуальным характеристикам и межличностным различиям внутри группы. С другой стороны, человек уделяет внимание контекстуальным факторам, которые указывают на соответствующее поведение. Таким образом, в ситуации деиндивидуализации человек реагирует в соответствии с нормами, диктуемыми непосредственным социальным контекстом, а общие социальные нормы не действуют.

Обращение к деиндивидуализации как объяснительному механизму, в частности, к модели социаль-

ной идентичности, приложимой к эффектам деиндивидуализации, достаточно продуктивный способ объяснения того, что происходит в Интернет-коммуникации, и ответа на вопрос о соотношении поведения в реальной жизни и виртуальном пространстве. Можно указать на ряд исследований, в которых словесная война, разгорающаяся на просторах интернет-пространства, обман в онлайн играх объясняются с точки зрения модели социальной идентичности, приложимой к эффектам деиндивидуализации [14; 23; 32]. Очевидно, что в состоянии деиндивидуализации человек ведет себя иначе, нежели вне этого состояния, и едва ли применим анализ того, как человек ведет себя в интернет-пространстве, для предсказания его действий в реальном мире.

С позиции теории сниженных социальных сигналов в процессе интернет-коммуникации происходит следующее: а) смещение внимания в сторону задачи, а не собеседника; б) сокращение иерархии путем удаления сигналов, указывающих на статус, сигналов лидерства; в) деиндивидуализация, вызванная сочетанием анонимности и пониженной саморегуляции [20]. В соответствии с этой моделью, коммуникации, совершающиеся посредством компьютера, обеднены с точки зрения используемых вербальных и невербальных средств. В результате снижение внешних социальных сигналов отражается на общении и взаимопонимании, необходимых для сотрудничества. Из этого следует, что безличный характер онлайн-взаимодействия порождает уменьшение влияния социальных норм, что в результате облегчает исполнение антинормативных действий [18].

Объяснение эффекта растормаживания возможно и путем апелляции к двухфакторной модели самосознания, в которой принято различать следующие аспекты самосознания: один аспект (публичный) — актуализируется ситуациями, в которых человек осознает возможность быть оцененным (например, при видеосъемке или оценке) или когда он отличается от других (например, принадлежит к меньшинству в группе); второй (личный) — актуализируется, когда человек осознает свои внутренние мотивы, установки, цели и т. д. [20]. Снижение внутренней составляющей, очевидно, способствует возникновению эффекта растормаживания.

Дж. Сулер, игнорируя некоторую размытость определения, данного Джоинсоном [20], отметил, что суть этого феномена заключается в том, что человек ведет себя в онлайн-коммуникации иначе (говорит и делает то, чего бы он не позволил себе в реальном общении), и предложил различать два вида растормаживания, а также уделить первостепенное внимание причинам его возникновения. Растормаживание, с его точки зрения, может быть двух видов: в одном случае человек делится очень личной информацией, раскрывает свои тайны, страхи, не скрывает своего эмоционального состояния, переживаний, он старается помочь другому, проявляя крайнюю щедрость и заботу [38]; в противоположном случае человек проявляет грубость в отношении другого, высказывает резкую критику или даже угрозы, посещает сайты,

содержание которых связано с насилием, агрессией, как пишет Сулер, территорию, которую в реальной жизни человек бы не посетил [38]. Первый вид растормаживания обозначается как *доброкачественное*, второй — как *токсичное* растормаживание. Если первый вариант растормаживания связан с личностным ростом, с развитием, то второй — едва ли способствует ему. Эти два варианта растормаживания не связаны друг с другом [42].

Объяснительную модель Сулера Джоинсон обозначает как многофакторную модель [20]. Доброкачественное растормаживание, ведущее к самораскрытию, возникает, когда срабатывают два условия: повышенное осознание себя (своих физических и эмоциональных состояний) и сниженное осознание других [14]. Метаанализ исследований, посвященных доброкачественному растормаживанию ($k=14$), позволяет говорить о том, что самораскрытие умеренно коррелирует с анонимностью ($r=0,184$) [15].

С точки зрения Сулера [38], который подчеркивает отсутствие патологической природы в этом явлении, именно киберпространство способствует тому, что происходит растормаживание, снижение тех барьеров, которые регулируют поведение субъекта в реальной жизни.

Дж. Сулер предлагает шестифакторную модель, комбинируя при этом уже известные объяснительные конструкты с новыми, восходящими к психоаналитической теории [38]: диссоциативная анонимность, невидимость, асинхронность, солипсистская интроекция, диссоциативное воображение, минимизация статуса и власти.

Кратко остановимся на каждом из этих факторов, совокупность которых способствует возникновению эффекта расторможённости.

Анонимность (с нашей точки зрения, точнее было бы говорить, вслед за А. Джоинсоном [20], про воспринимаемую анонимность) — это ключевой фактор возникновения расторможённости. Встречая друг друга в Интернете, люди не знают ни реальных имен, ни историй жизни, всего лишь располагают той информацией, которую каждый о себе сообщает (зачастую конструирует). Отделив опыт общения онлайн от реальной жизни и реальной идентичности, люди гораздо проще преодолевают барьеры, действуя так, как они никогда бы не позволили себе вести себя в реальной жизни. Любопытно, что для Дж. Хирша с коллегами [19] анонимность, наряду с социальной властью и алкогольной интоксикацией, влияют на познание и поведение человека, способствуя как про-социальным, так и антисоциальным последствиям.

Зная, что поведение не может быть подвергнуто наказанию, человек ведет себя в киберпространстве так, как если бы все процессы, контролирующие поведение, поступки, были бы приостановлены на время. Действуя в интернет-пространстве, человек как бы убеждает себя, что это «не он».

Если принимать во внимание последующие исследования [43], то анонимность указывает на неидентифицируемость участников взаимодействия, т. е. онлайн-партнеры не могут друг друга идентифи-

цировать с точки зрения таких важных параметров быстрой социальной категоризации, как пол, возраст, этническое происхождение, а также ряда менее важных, таких, как род занятий, место жительства и пр.

Невидимость, еще один фактор возникновения растормаживания, связан с тем, что люди, перемещаясь в пространстве Интернета; не видимы, они могут посещать сайты, читать сообщения форумов, комментарии, наблюдать за дискуссией; в отличие от технического персонала, отслеживающего работу сайтов и трафик, рядовые пользователи Интернета могут только догадываться о том, что в настоящий момент еще кто-то читает новости, однако оценить размер и особенности аудитории для них не представляется возможным. Хотя невидимость отчасти и совпадает с анонимностью, у этой составляющей есть одна важная отличительная особенность: в процессе интернет-общения, реализующегося путем обмена сообщениями, отсутствует визуальный контакт, позволяющий человеку понять реакции другого в ответ на собственное сообщение. Эта особенность ситуации общения в сети Интернет способствует возникновению растормаживания.

Асинхронность подразумевает, что участники общения не находятся в ситуации реального времени, каждый может воспользоваться паузой, отвечая на сообщение. Сулер связывает возникновение обеих форм растормаживания с отсроченным ответом, когда индивид может обдумать ответ, подыскивая соответствующие слова. Легко представить, сколько раз можно отредактировать сообщение, меняя содержание и стилистику.

Солипсистская интроекция. В силу того, что интернет-коммуникация происходит посредством обмена текстовыми сообщениями и в отсутствие какой-либо дополнительной информации о собеседнике, с точки зрения Д. Сулера, реципиент коммуникативного акта наделяет своего собеседника определенными характеристиками, воображая его тем или иным образом, приписывая ему определенную внешность, голос и пр., воображает диалоги с ним. И все это определяется потребностями коммуникатора [38]. Словом, интернет-общение все в большей степени приближается к воображаемому действию, чем к реальности.

Диссоциативное воображение подразумевает разделение двух миров — реального, с его правилами и нормами, и виртуального, своего рода игрового, правила и нормы которого не имеют ничего общего с повседневной жизнью. Выключив компьютер, пользователь Интернета, таким образом, оставляет позади все то, что касается онлайн-активности, будто бы эти миры не имеют никакой связи друг с другом, будто бы люди, которых он категоризирует как «друзей» в социальных сетях, не являются реальными.

Наконец, последний фактор, который Сулер обозначает в связи с возникновением растормаживания, — *минимизация власти и статуса*. В реальном мире у человека имеются средства для распознавания статуса собеседника, в мире виртуальном параметры власти и статуса оказываются скрытыми. Более того, как подчеркивает Сулер, традиционная философия

Интернета такова: Интернет является тем самым пространством, где все равны, у всех есть право голоса, все делятся своими идеями с другими на правах равенства. Изменение властных отношений, расширение прав и возможностей участников интернет-коммуникации отмечается и в других работах [27]. В последующих исследованиях предпринимались попытки не только конкретизировать описанное явление (определяя растормаживание, происходящее онлайн, как поведение или как психологическое состояние), но и операционализировать его, а также проанализировать, какие из факторов предсказывают феномен растормаживания, а какие — нет [13; 24; 26; 41; 42; 44]. Так, в исследовании, реализованном на выборке молодежи (N = 530 человек) С. Ву, Т.-Г. Лин и Дж.-Ф. Шин [44], было показано, что только три фактора из шести влияют на возникновение растормаживания, а именно: анонимность, асинхроничность и диссоциированное воображение. Остальные факторы (будь то невидимость, солипсическая интроспекция и минимизация статуса и власти) не оказывают влияния на возникновение эффекта растормаживания.

В работе Р. Удриса [42] на выборке школьников в возрасте от 15 до 18 лет (N=862 человек) было показано, что токсическая форма онлайн-растормаживания является предиктором девиантного поведения в Сети, но не предсказывает девиантного поведения в реальном мире. Таким образом, этот факт также говорит в пользу того, что поведение в сети Интернет отличается от поведения в реальном мире; как следствие — попытки предсказать действия человека в реальном мире на основе его поведения в сети Интернет — крайне дискусионны (здесь мы не принимаем во внимание ту небольшую часть пользователей сети Интернет, действия которых предсказываются на основе «темной триады» [28]).

Растормаживание, возникающее онлайн, представляется возможным рассматривать в связи с троллингом, флеймом, а также кибербуллингом. Как отмечает Р. Удрис [41], кибербуллинг достаточно часто исследуется через личностные диспозиции (и список их достаточно велик), в литературе мало внимания уделяется особенностям взаимодействия в Сети, главной из которых является анонимность. В исследовании (N=941 человек в возрасте от 15 до 19 лет) была разработана шкала для измерения эффекта растормаживания онлайн (включавшая оба варианта растормаживания, описанные Сулером), позволившая выявить, что феномен растормаживания (в целом) является важным фактором возникновения кибербуллинга. Причем пункты шкалы разнятся по своей предсказательной силе. Так, невидимость участников взаимодействия в сети Интернет (операционализируемая как отсутствие зрительного контакта) является важным предиктором кибербуллинга. Другим не менее важным предиктором оказывается такой параметр, связанный с растормаживанием, как минимизация власти. Девиантное поведение в сети Интернет воспринимается как ненаказуемое, или отсроченность последствий сводит на нет какие-либо негативные последствия для индивида. Если, вслед

за автором, обращаться к исследованию, в котором сравнивались две формы буллинга, то имеются два варианта объяснения кибербуллинга в связи с минимизацией нормативного фактора. С одной стороны, как пишут Х. Порнари и Дж. Вуд [31], зачинщик кибербуллинга испытывает моральное высвобождение в силу имеющейся дистанции от жертвы, с другой стороны, действия в Сети воспринимаются как игра, это развлечение, которое подчиняется другим правилам (указание на конструкт «другие правила» сравнимо с использованием конструкта ситуативных норм, к которым апеллируют Т. Постмес и Р. Спирс [32]; разведение двух типов ситуаций — в реальной жизни и в Сети — содержательно соответствует диссоциативному воображению, который Дж. Сулер выделяет в своей многофакторной модели растормаживания [38]). Однако наиболее примечательным является тот факт, что в рамках теории социальных представлений Ж.-К. Абриком [12] было показано, что поведение выстраивается в соответствии с представлениями (среди проверяемых предположений: представление о партнере (задаче, а также партнере и задаче) определяет выбор стратегии в ситуации взаимодействия). Так, в экспериментальном исследовании студентам предлагалось взаимодействовать с другим студентом (посредством компьютера) или собственно с компьютером (специальной программой). Гуманизация партнера соответствовала стратегии кооперации, дегуманизация партнера вела к соревнованию. Другой параметр, который варьировался — тип задачи: разрешение проблемы или игра. Как и ожидалось, представление задачи в понятиях решения проблемы предполагает усилие, преодоление трудности, таким образом, выбирается стратегия кооперации. Представление о задаче как об игре предполагает случай, состязание, что ведет к предпочтению стратегии соревнования.

Сочетание параметров (партнер и тип задачи) показало, что стратегия взаимодействия с партнером варьировалась в зависимости от представления о ситуации и о партнере: кооперативная стратегия в наибольшей степени соответствует ситуации решения задачи с другим студентом, а стратегии соперничества в наибольшей степени отдается предпочтение, когда партнером является программа компьютера в ситуации игры [12]. Получается, что представление о задаче как об игре инициирует эту игру со всеми вытекающими последствиями с точки зрения стратегии взаимодействия. Справедливости ради подчеркнем, что во всех случаях реальность в сериях эксперимента Ж.-К. Абрика была таковой, что партнером по взаимодействию была компьютерная программа [12]. И это очень ценное уточнение, ибо не реальность сама по себе, а представление о ней является основой для построения социального поведения. Эта теоретическая традиция, несомненно, обладает богатым объяснительным потенциалом для анализа ситуаций взаимодействия в Интернете, не только потому, что позволяет объяснять связь представлений и социального поведения, связь коммуникаций и представлений, но и потому, что в основе теории лежит

положение о конструировании реальности (и едва ли это положение существует в других объяснительных моделях). Эта идея, с нашей точки зрения, является ключевой при изучении виртуальной реальности, для понимания того, как соотносится поведение в Сети с оным в реальности.

Заключение

Возникновение и широкое распространение Интернета открыло перед человеком целый ряд новых степеней свободы, которых не было ранее: теперь, преодолев пространство и время, он превращается в важного участника разнообразных процессов, от наблюдений за событиями, происходящими за тысячи километров от его местонахождения, до выражения негодования незнакомым участникам взаимодействия.

Новые технологии превратились в культурное средство социализации, в литературе появились новые понятия, будь то *цифровая социализация* или *цифровое поколение* [1]; реальность этого поколения значительно отличается от реальности, в которой социализировались родители [1], что уже нельзя объяснить традиционными проблемами отцов и детей. Мы живем в эпоху визуальной культуры [34], где на смену власти текстов (которая была легитимной для поколения родителей) пришла власть изображений (легитимная для подростково-молодежной среды) [21].

Для понимания последствий, происходящих с человеком в эпоху пятой информационной революции, особенно для рассмотрения соотношения поведения офлайн и онлайн, анализ литературы позволяет обнаружить ряд объяснительных конструктов [12; 20; 28; 42]. Цель настоящей работы заключалась в том, чтобы проанализировать соотношение поведения в сети Интернет с оным в реальности на примере эффекта растормаживания онлайн. Суть этого эффекта сводится к тому, что человек ведет себя в онлайн-коммуникации иначе, говорит и делает то, чего бы

он не позволил себе в реальном общении. Не будучи патологическим явлением, растормаживание может реализовываться в двух формах, не связанных друг с другом. В одном случае (так называемое доброкачественное, или позитивное, растормаживание) человек делится очень личной информацией, раскрывает свои тайны, страхи, не скрывает своего эмоционального состояния, своих переживаний, он старается помочь другому, проявляя крайнюю щедрость и заботу [38]. В другом случае (токсичное, или негативное, растормаживание) человек проявляет грубость в отношении другого, высказывает резкую критику или даже угрозы, посещает сайты, содержание которых связано с насилием, агрессией, по замечанию Сулера, территорию, которую в реальной жизни человек бы не посетил. Обращение к таким конструктам, как деиндивидуализация, сниженные социальные сигналы, самосознание, проливает свет на эффект растормаживания онлайн.

Анализ этого эффекта отчетливо демонстрирует, что попытки отождествлять поведение в Сети с поведением в реальности были бы ошибочными, ибо киберпространство способствует тому, что происходит растормаживание, снижение тех барьеров, которые регулируют поведение субъекта в реальной жизни. Для понимания этого соотношения перспективным видится дальнейшее развитие модели социальной идентичности, приложимой к эффектам деиндивидуализации, ибо, как можно заметить, альтернативные объяснения, будь то модель снижения социальных сигналов, или обращение к самосознанию как объяснительному конструкту, включают деиндивидуализацию в свою объяснительную конструкцию.

Кроме того, идеи теории социальных представлений, как мы могли убедиться выше на примере анализа эксперимента Ж.-К. Абрика [12], чрезвычайно продуктивны для исследования того, как соотносится поведение в Сети с действиями в реальности. В этой связи любопытно получить ответ на вопрос о том, как представляются социальные и ситуативные нормы.

Литература

1. Агеев В.С. Межгрупповое взаимодействие. М.: Издательство МГУ. 1990. 239 с.
2. Андреева Г.М. Психология социального познания. М.: Аспект пресс. 2000. 288 с.
3. Бudyкин С.В. Информационная безопасность детей и подростков в современном мире: психологические аспекты проблемы [Электронный ресурс] // Психология и право. 2017. Том 7. № 1. С. 13–24. DOI:10.17759/psylaw.2017070102
4. Интернет в России: динамика проникновения. Зима 2017–2018 гг. [Электронный ресурс]. URL: <https://fom.ru/SMI-i-internet/13999> (дата обращения: 26.03.2020).
5. Корепанова И.А. И вновь о параллелограмме развития памяти: данные московской выборки // Психологический журнал Международного университета природы, общества и человека «Дубна». 2010. № 4. С. 43–60.
6. Лебон Г. Психология народов и масс. М.: Академический проект. 2011. 238 с.

References

1. Ageyev V.S. Mezhruppovoye vzaimodeystviye [Intergroup interaction]. M.: Publishing house of Moscow State University. 1990. 239 p. (In Russ.).
2. Andreeva G.M. Psikhologiya sotsial'nogo poznaniya [Psychology of social cognition]. M.: Aspekt press. 2000. 288 p. (In Russ.).
3. Budykin S.V. Information security of children and adolescents in the modern world: psychological aspects of the problem [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2017. Vol. 7, no. 1, pp. 13–24. DOI:10.17759/psylaw.2017070102. (In Russ., abstr. in Engl.)
4. Internet v Rossii: dinamika proniknoveniya. Zima 2017–2018 gg. [Internet in Russia: penetration dynamics. Winter 2017–2018] <https://fom.ru/SMI-i-internet/13999> (In Russ.)
5. Korepanova I.A. I vnov' o parallelogramme razvitiya pamyati: dannyye moskovskoy vyborki. [And again about the parallelogram of memory development: data from the

7. Мещераков, Б.Г., Моисеева Е.В., Конторина В.В. Параллелограмм развития памяти: не миф, но требует уточнения // Психологический журнал Международного университета природы, общества и человека «Дубна». 2008. № 1. С. 1–15.
8. Ракитов А.И. Новый подход к взаимосвязи истории, информации и культуры: пример России // Вопросы философии. 1994. № 4. С. 14–34.
9. Тхостов А.Ш. Трансформация высших психических функций в эпоху информационного общества. [Электронный ресурс] URL: <https://www.youtube.com/watch?v=B8FuIeaAWfo> (дата обращения: 26.03.2020).
10. Тхостов А.Ш., Сурнов К.Г. Влияние современных технологий на развитие личности и формирование патологических форм адаптации: обратная сторона социализации // Психологический журнал. 2005. № 6. С. 16–24.
11. Шихирев П.Н. Современная социальная психология. М.: Институт психологии РАН. 1999. 448 с.
12. Abric J.-C. A theoretical and experimental approach to the study of social representations in a situation of interaction // Social representations / R. Farr, S. Moscovici (eds.). Cambridge: Cambridge University Press, 1984. P. 169–183.
13. Back M.D., Stopfer J.M., Vazire S., Gaddis S., Schmukle S.C., Egloff B., Gosling, S.D. Facebook profiles reflect actual personality, not self-idealization // Psychological Science, 2010. Vol. 21. P. 372–374. DOI:10.1177/0956797609360756
14. Cheung C.M.K., Wong R.Y.M., Chan T.K.H. Online disinhibition: conceptualization, measurement, and relation to aggressive // Thirty Seventh International Conference on Information Systems, Dublin, 2016.
15. Clark-Gordon C.V., Bowman N.D., Goodboy A.K., Wright A. Anonymity and Online Self-Disclosure: A Meta-Analysis // Communication Reports. 2019. Vol. 32. P. 98–111. DOI:10.1080/08934215.2019.1607516
16. Festinger L., Pepitone A., Newcomb T. Some consequences of deindividuation in a group // Journal of Abnormal and Social Psychology. 1952. Vol. 47. P. 382–389. DOI:10.1037/h0057906
17. Global digital report 2019 — We are social [Электронный ресурс]. URL: <https://wearesocial.com/global-digital-report-2019> (дата обращения: 26.03.2020).
18. Guegan J. Effets de contexte et modulation des processus sociocognitifs via Internet. Psychologie. Thèse de doctorat en psychologie sociale. Université Paul Valéry — Montpellier III, 2012. 232 p.
19. Hirsh J.B., Galinsky A.D., Zhong C.B. Drunk, powerful, and in the dark: how general processes of disinhibition produce both prosocial and antisocial behavior // Perspectives on Psychological Sciences. 2011. DOI:10.1177/1745691611416992
20. Joinson A.N. Causes and implications of disinhibited behavior on the Internet // Psychology and the Internet / J. Gackenbach (ed.). Boston, MA: Academic Press, 2007. P. 43–60.
21. Kalmus V. Socialization in the changing information environment: Implications for media literacy // Media Literacy: A Reader / D. Macedo, S. R. Steinberg (eds.). New York: Peter Lang, 2007. P. 157–165.
22. Kende A., Ujhelyi A., Joinson A., Greitemeyer T. Putting the social (psychology) into social media // European Journal of Social Psychology. 2015. Vol. 45. P. 277–278. DOI:10.1002/ejsp.2097.
23. Kim K.K., Lee A.R., Lee U.-K. Impact of anonymity on roles of personal and group identities in online communities // Information and Management. 2019. Vol. 56. P. 109–121. DOI:10.1016/j.im.2018.07.005.
- Moscow sample]. *Psikhologicheskii zhurnal Mezhdunarodnogo universiteta prirody, obshchestva i cheloveka «Dubna» = Psychological journal of the International University of Nature, Society and Man «Dubna»*, 2010, no. 4, pp. 43–60. (In Russ.).
6. Lebon G. *Psikhologiya narodov i mass* [Psychology of peoples and masses]. M.: Academic project. 2011. 238 p. (In Russ.).
7. Meshcheryakov, B.G., Moiseyeva Ye.V., Kontorina V.V. Parallelogramm razvitiya pamyati: ne mif, no trebuet utochneniya [Parallelogram of memory development: not a myth, but requires clarification]. *Psikhologicheskii zhurnal Mezhdunarodnogo universiteta prirody, obshchestva i cheloveka «Dubna» = Psychological journal of the International University of Nature, Society and Man «Dubna»*, 2008, no. 1, pp. 1–15. (In Russ.).
8. Rakitov A.I. *Novyy podkhod k vzaimosvyazi istorii, informatsii i kul'tury: primer Rossii* [A new approach to the relationship of history, information and culture: an example of Russia]. *Voprosy filosofii* [Questions of Philosophy], 1994, no. 4, pp. 14–34. (In Russ.)
9. Tkhostov A.Sh. Transformatsiya vysshikh psikhicheskikh funktsiy v epokhu informatsionnogo obshchestva [Transformation of higher mental functions in the era of the information society] URL: <https://www.youtube.com/watch?v=B8FuIeaAWfo> (Accessed 26.03.2020) (In Russ.).
10. Tkhostov A.S.H., Surnov K.G. Vliyaniye sovremennykh tekhnologiy na razvitiye lichnosti i formirovaniye patologicheskikh form adaptatsii: obratnaya storona sotsializatsii [The influence of modern technologies on personality development and the formation of pathological forms of adaptation: the reverse side of socialization]. *Psikhologicheskii zhurnal = Psychological Journal*, 2005, no. 6, pp. 16–24 (In Russ.).
11. Shikhirev P.N. *Sovremennaya sotsial'naya psikhologiya* [Contemporary social psychology]. M.: Institute of Psychology RAS. 1999. 448 p. (In Russ.).
12. Abric J.-C. A theoretical and experimental approach to the study of social representations in a situation of interaction. In: R.Farr, S. Moscovici. (eds.). *Social representations*. Cambridge: Cambridge University Press, 1984, pp. 169–183.
13. Back M.D., Stopfer J.M., Vazire S., Gaddis S., Schmukle S.C., Egloff B., Gosling, S.D. Facebook profiles reflect actual personality, not self-idealization. *Psychological Science*, 2010. Vol. 21, pp. 372–374. DOI:10.1177/0956797609360756
14. Cheung C.M.K., Wong R.Y.M., Chan T.K.H. Online disinhibition: conceptualization, measurement, and relation to aggressive. *Thirty Seventh International Conference on Information Systems*, Dublin, 2016.
15. Clark-Gordon C.V., Bowman N.D., Goodboy A.K., Wright A. Anonymity and Online Self-Disclosure: A Meta-Analysis. *Communication Reports*, 2019. Vol.32, pp. 98–111. DOI:10.1080/08934215.2019.1607516
16. Festinger L., Pepitone A., Newcomb T. Some consequences of deindividuation in a group. *Journal of Abnormal and Social Psychology*, 1952. Vol. 47, pp. 382–389. DOI:10.1037/h0057906
17. Global digital report 2019 — We are social. URL: <https://wearesocial.com/global-digital-report-2019> (Accessed 26.03.2020).
18. Guegan J. *Effets de contexte et modulation des processus sociocognitifs via Internet. Psychologie. Thèse de doctorat en psychologie sociale*. Université Paul Valéry — Montpellier III, 2012. 232 p.
19. Hirsh J.B., Galinsky A.D., Zhong C.B. Drunk, powerful, and in the dark: how general processes of

24. Lapidot-Lefler N., Barak A. The benign online disinhibition effect: could situational factors induce self-disclosure and prosocial behaviors? // *Cyberpsychology: Journal of Psychosocial Research on Cyberspace*. 2015. Vol. 9. Article 3. DOI:10.5817/CP2015-2-3
25. Livingstone S., Haddon L., Görzing A., Ólafsson K. With members of the EU kids online network. EU kids online. London. Final report. September, 2011. 54 p.
26. Lowry P.B., Zhang J., Wang C., Siponen M. Why do adults engage in cyberbullying on social media? An integration of online disinhibition and deindividuation effects with the social structure and social learning model // *Information Systems Research*. 2016. Vol. 27. P. 962–986. DOI:10.1287/isre.2016.0671
27. Marzouki Y. La conscience collective virtuelle: un nouveau paradigme des comportements collectifs en ligne // *Les représentations sociales. Théories, méthodes et applications* / G. Lo Monaco, S. Delouvé, P. Rateau (eds.). Louvain-la-Neuve: De Boeck Supérieur, 2016. P. 413–415.
28. Moor L., Anderson J. A systematic literature review of the relationship between dark personality traits and antisocial online behaviours // *Personality and Individual Differences*. 2019. Vol. 144. P. 40–55. DOI:10.1016/j.paid.2019.02.027
29. Olick J.K., Robbins J. Social memory studies: from «collective memory» to the historical sociology of mnemonic practices // *Annual Review of Sociology*. 1998. Vol. 24. P. 105–140. DOI:10.1146/annurev.soc.24.1.105
30. Piper S. Workplace toxic online disinhibition. Presented to the interdisciplinary studies program: University of Oregon applied information management, 2015. 48 p.
31. Pornari C.D., Wood J. Peer and cyber aggression in secondary school students: the role of moral disengagement, hostile attribution bias, and outcome expectancies // *Aggressive Behaviour*. 2010. Vol. 36. P. 81–94. DOI:10.1002/ab.20336
32. Postems T., Spears R. Deindividuation and antinormative behavior: a meta-analysis // *Psychological Bulletin*. 1998. Vol. 123. P. 238–259. DOI:10.1037/0033-2909.123.3.2381998
33. Prislín R., Crano W. A history of social influence research // *The Handbook of the History of Social Psychology* / A. Kruglanski, W. Stroebe (eds.). New York, NY: Psychology Press, 2012. P. 321–339.
34. Rose G. On the relation between 'visual research methods' and contemporary visual culture // *Sociological Review*. 2014. Vol. 62. P. 24–46.
35. Rückrim G. Digital technology and Mediation – a Challenge to Activity Theory [Электронный ресурс] // *Cultural-historical psychology*. 2010. Том 6. № 4. С. 30–38. <https://psyjournals.ru/kip/2010/n4/32813.shtml> (дата обращения: 11.09.2020).
36. The formation of a norm in a group situation // *The psychology of social norms* / M. Sherif (ed.). N.Y.: Octagon books, 1965. P. 89–112.
37. Smahel D., Machackova H., Mascheroni G., Dedkova L., Staksrud E., Ólafsson K., Livingstone S., Hasebrink U. EU Kids Online 2020: Survey results from 19 countries. EU Kids Online. 2020. DOI:10.21953/lse.47fdeqj01ofo
38. Suler J. The online disinhibition effect // *Cyberpsychology and Behaviour*. 2004. Vol. 7. P. 321–326. DOI:10.1089/1094931041291295
39. Tajfel H. La categorisation sociale // *Introduction à la psychologie sociale* / S. Moscovici (ed.). Paris: Larousse, 1972. P. 272–302.
40. Turner J. Towards a cognitive redefinition of the social group // *Social identity and intergroup relations* / H. Tajfel (ed.). Cambridge: Cambridge University Press, 1982. P. 15–40.
- disinhibition produce both prosocial and antisocial behavior. *Perspectives on Psychological Sciences*, 2011. DOI:10.1177/1745691611416992
20. Joinson A.N. Causes and implications of disinhibited behavior on the Internet. In: J. Gackenbach (ed.). *Psychology and the Internet*. Boston, MA: Academic Press, 2007, pp. 43–60.
21. Kalmus V. Socialization in the changing information environment: Implications for media literacy. In: D. Macedo, S.R. Steinberg (eds.). *Media Literacy: A Reader*. New York: Peter Lang, 2007, pp. 157–165.
22. Kende A., Ujhelyi A., Joinson A., Greitemeyer T. Putting the social (psychology) into social media. *European Journal of Social Psychology*, 2015. Vol. 45, pp. 277–278. DOI:10.1002/ejsp.2097.
23. Kim K.K., Lee A.R., Lee U.-K. Impact of anonymity on roles of personal and group identities in online communities. *Information and Management*, 2019. Vol. 56, pp. 109–121. DOI:10.1016/j.im.2018.07.005.
24. Lapidot-Lefler N., Barak A. The benign online disinhibition effect: could situational factors induce self-disclosure and prosocial behaviors? *Cyberpsychology: Journal of Psychosocial Research on Cyberspace*, 2015. Vol. 9. Article 3. DOI:10.5817/CP2015-2-3.
25. Livingstone S., Haddon L., Görzing A., Ólafsson K., with members of the EU kids online network. *EU kids online*. London. Final report. September, 2011. 54 p.
26. Lowry P.B., Zhang J., Wang C., Siponen M. Why do adults engage in cyberbullying on social media? An integration of online disinhibition and deindividuation effects with the social structure and social learning model. *Information Systems Research*, 2016. Vol. 27, pp. 962–986. DOI:10.1287/isre.2016.0671
27. Marzouki Y. La conscience collective virtuelle: un nouveau paradigme des comportements collectifs en ligne. In: G. Lo Monaco, S. Delouvé, P. Rateau (eds.). *Les représentations sociales. Théories, méthodes et applications*. Louvain-la-Neuve: De Boeck Supérieur, 2016, pp. 413–415.
28. Moor L., Anderson J. A systematic literature review of the relationship between dark personality traits and antisocial online behaviours. *Personality and Individual Differences*, 2019. Vol. 144, pp. 40–55. DOI:10.1016/j.paid.2019.02.027
29. Olick J.K., Robbins J. Social memory studies: from «collective memory» to the historical sociology of mnemonic practices. *Annual Review of Sociology*, 1998. Vol. 24, pp. 105–140. DOI:10.1146/annurev.soc.24.1.105
30. Piper S. Workplace toxic online disinhibition. Presented to the interdisciplinary studies program: University of Oregon applied information management, 2015. 48 p.
31. Pornari C.D., Wood J. Peer and cyber aggression in secondary school students: the role of moral disengagement, hostile attribution bias, and outcome expectancies. *Aggressive Behaviour*, 2010. Vol. 36, pp. 81–94. DOI:10.1002/ab.20336
32. Postems T., Spears R. Deindividuation and antinormative behavior: a meta-analysis. *Psychological Bulletin*, 1998. Vol. 123, pp. 238–259.
33. Prislín R., Crano W. A history of social influence research. In: A. Kruglanski, W. Stroebe (eds.). *The Handbook of the History of Social Psychology*. New York, NY: Psychology Press, 2012, pp. 321–339.
34. Rose G. On the relation between 'visual research methods' and contemporary visual culture. *Sociological Review*, 2014. Vol. 62, pp. 24–46.
35. Rückrim G. Digital technology and Mediation – a Challenge to Activity Theory. *Cultural-historical psychology*, 2010. Vol. 6, no. 4, pp. 30–38. <https://psyjournals.ru/kip/2010/n4/32813.shtml> (Accessed: 11.09.2020)

41. Udris R. Cyberbullying among high school students in Japan: development and validation of the online disinhibition scale // *Computers in Human Behavior*. 2014. Vol. 41. P. 253–261. DOI:10.1016/j.chb.2014.09.036
42. Udris R. Psychological and social factors as predictors of online and offline deviant behavior among Japanese adolescents // *Deviant Behavior*. 2017. Vol. 38. P. 792–809. DOI:10.1080/01639625.2016.1197689
43. Vilanova F., Beria F.M., Costa A.B., Koller S.H. Deindividuation: From Le Bon to the social identity model of deindividuation effects // *Cogent Psychology*. 2017. Vol. 4. DOI:10.1080/23311908.2017.1308104
44. Wu S., Lin T.-G., Shih J.F. Examining the antecedents of online disinhibition // *Information Technology and People*. 2017. Vol. 30. P. 189–209. DOI:10.1108/ITP-07-2015-0167
36. Sherif M. The formation of a norm in a group situation. In: M. Sherif (ed.). *The psychology of social norms*. N.Y.: Octagon book, 1965, pp. 89–112.
37. Smahel D., Machackova H., Mascheroni G., Dedkova L., Staksrud E., Ólafsson K., Livingstone S., Hasebrink U. *EU Kids Online 2020: Survey results from 19 countries*. *EU Kids Online*. 2020. DOI:10.21953/lse.47fdeqj01ofo
38. Suler J. The online disinhibition effect. *Cyberpsychology and Behaviour*, 2004. Vol.7, pp. 321–326. DOI:10.1089/1094931041291295
39. Tajfel H. La categorisation sociale. In: S.Moscovici (ed.). *Introduction à la psychologie sociale*. Paris: Larousse, 1972, pp. 272–302.
40. Turner J. Towards a cognitive redefinition of the social group. In: H.Tajfel (ed.). *Social identity and intergroup relations*. Cambridge: Cambridge University Press, 1982, pp. 15–40.
41. Udris R. Cyberbullying among high school students in Japan: development and validation of the online disinhibition scale. *Computers in Human Behavior*, 2014. Vol. 41, pp. 253–261. DOI:10.1016/j.chb.2014.09.036
42. Udris R. Psychological and social factors as predictors of online and offline deviant behavior among Japanese adolescents. *Deviant Behavior*, 2017. Vol. 38, pp. 792–809. DOI:10.1080/01639625.2016.1197689
43. Vilanova F., Beria F.M., Costa A.B., Koller S.H. Deindividuation: From Le Bon to the social identity model of deindividuation effects. *Cogent Psychology*, 2017. Vol.4. DOI:10.1080/23311908.2017.1308104
44. Wu S., Lin T.-G., Shih J.F. Examining the antecedents of online disinhibition. *Information Technology and People*, 2017. Vol. 30, pp. 89–209. DOI:10.1080/01639625.2016.1197689

Информация об авторах

Бовина Инна Борисовна, доктор психологических наук, профессор кафедры клинической и судебной психологии, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9497-6199>, e-mail: innabovina@yandex.ru

Дворянчиков Николай Викторович, кандидат психологических наук, декан факультета юридической психологии, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1462-5469>, e-mail: dvorian@gmail.com

Information about the authors

Inna B. Bovina, PhD in Psychology, Research Director, Associate Professor, Chair of Clinical and Legal Psychology, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9497-6199>, e-mail: innabovina@yandex.ru

Nikolay V. Dvoryanchikov, PhD in Psychology, Dean of the Faculty of Legal and Forensic Psychology, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1462-5469>, e-mail: dvorian@gmail.com

Получена 24.04.2020

Принята в печать 06.11.2020

Received 24.04.2020

Accepted 06.11.2020